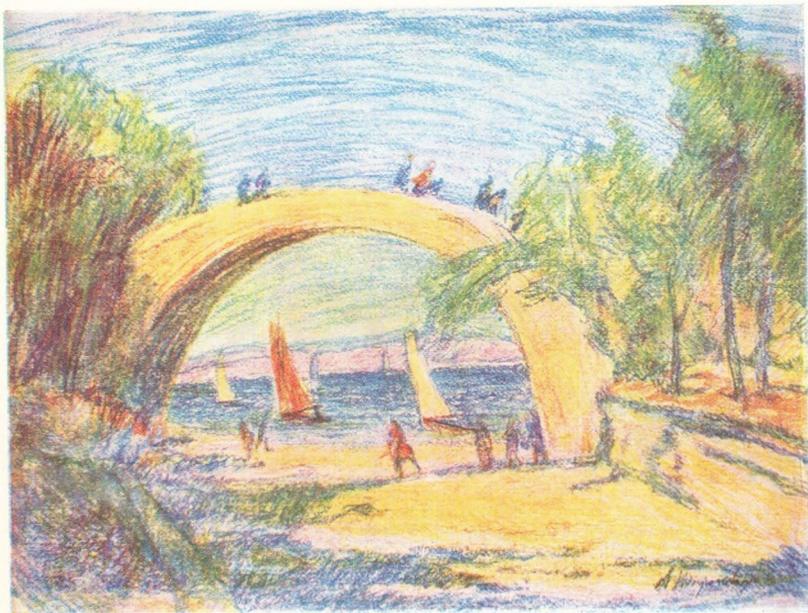

АМШЕЙ НЮРЕНБЕРГ

ВОСПОМИНАНИЯ
ВСТРЕЧИ
МЫСЛИ
ОБ ИСКУССТВЕ

[1969]

Мостик

Вспоминаю, на похоронах были: Ахматова, Фаворский, Кончаловский, Руднев, Разумный, Девинов и известная, пользовавшаяся у художников большой любовью, натурщица Осипович.

Были также молодые друзья и ученики Осмеркина: М. и Е. Асламазян, Никич и другие.

В конце своей речи Руднев сказал:

— ... Такой тяжелобольной и писал жизнерадостные картины! Это свойственно только русским людям!.. Я глубоко верю, что он художник народный и что его работы будут жить и радовать людей.

ЩЕКотов

С Николаем Михайловичем Щекотовым я сблизился после приезда из Парижа в 1929 году. Не дав как следует отдохнуть после дороги, он сразу же вовлек меня в редколлегию журнала «Искусство в массы».

— Дайте мне оглядеться, — пытался я обороняться. — Дайте мне освоиться, а потом — поговорим... Так, Николай Михайлович?

— Нечего осваиваться. Беритесь за дело. Время горячее. Работы много. Делаю заказ: срочно напишите нам статью о Париже. Хотите о Мане, Пикассо. Даю вам полную свободу. Итак, жду вас через три дня со статьей. Будьте здоровы и помните: жду вас со статьей.

Меня несколько удивил Николай Михайлович. А вдруг не так напишу? Получится зряшний труд. И потом — этот утомляющий стиль бреющего полета... Но чем-то он меня связал... Даже покорило... Я взялся за статью, удивляясь своей уступчивости.

Через три дня я был у Щекотова со статьей. Он ее быстро прочел, сделал какие-то пометки и решительно сказал:

— Пойдет.

И не раздумывая, добавил: — давайте другую.

Так работал Николай Михайлович Щекотов: это был человек с большой инициативой, смелостью и неистребимым темпераментом. Мне он понравился, и я решил с ним работать.

В свободные дни он занимался живописью. Он считал, что критик и искусствовед должны заниматься живописью.

— Хорошим и грамотным критиком, — говорил он, — может быть

только тот, кто держал или держит в руках кисть. Вспомним Александра Бенуа, Грабаря и Тугендхольда. Только познав почему стоит фунт живописного лиха, можно говорить о живописи. Он душевно любил русское народное искусство и свои молодые годы всецело отдал ему. Он верил, что в этом незамутненном источнике советский художник найдет свежие творческие силы.

Потом он увлекся импрессионистскими мастерами. И в своей интимной (только для себя) живописи с трогательной любовью отражал это увлечение.

Когда я похваливал его этюдики, он с едкой насмешкой отвечал:

— Какой я художник? Так просто — «воскресный любитель».

Его предисловие к письмам Ван Гога, блестяще написанное, свидетельствует о его высоком вкусе и больших знаниях в области искусства.

СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ

Как-то в беседе с Кончаловским, когда он был в ударе и о художниках говорил ярко и остро, я спросил его:

— Петр Петрович, как вы относитесь к Сергею Герасимову?

Он сказал:

— Хорош. Художник талантливый. Но по-моему часто подпадает под влияние других.

— А кто не подпадал под влияние других? Вспомните фразу Пуссена: «Я никогда, никем и ничем не пренебрегал...» Вспомните Эдуарда Мане и Клода Моне, Сурикова.

— Видите ли, — ответил Кончаловский, — есть влияние, имеющее учительское значение, и есть влияние, ведущее к эклектизму, к эпигонству.

— А какое по вашему наблюдается влияние в творчестве у Сергея Герасимова?

Подумав, Кончаловский твердо ответил:

— Учительское.

*

Как и Кончаловский, Сергей Герасимов в молодые годы испытал большое влияние своего учителя Коровина и мечтал освободиться от этого влияния. В десятилетия нашего века слава Коровина была

очень велика. Он был первым художником, познакомившим русского зрителя с техникой импрессионизма. Яркие, звучные краски, густые, темпераментно брошенные на холст, казались небывалым явлением. Естественно, что многие начинающие художники и в том числе Кончаловский и Герасимов, увлекались живописью Коровина.

Однако путь следования за учителем оказался медленным. Не всем ученикам был близок тот декоративный и бравурный стиль, которым отличался Коровин. Сергей Герасимов мечтал о строгой станковой живописи и новых средствах выражения. Знакомство его с Щукинской коллекцией, где находились полотна знаменитых импрессионистов, произвело на него сильное впечатление. Особенно нравился ему Сислей с его лирическими пейзажами. В этом офрануженном англичанине Сергей Герасимов почувствовал много близкого и родственного. Ту же склонность к поэзии и к мягким гармоничным цветовым отношениям можно наблюдать и в его собственных работах.

Акварельность колорита в картинах Сислея особенно привлекала Сергея Герасимова. Он и сам всю жизнь работал в акварели. Любил ее и, как никто у нас, умел ею владеть. Изучив импрессионистскую технику, Сергей Герасимов много работал над ее освоением и созданием своего собственного стиля.

В его работах 30-х годов появляются черты зрелого мастерства. Исчезают коровинские ловкие мазки, упрощенные цветовые отношения, повышается вкус. И самое ценное, что в этих вещах мы уже видим его личную, им выношенную поэзию.

Сергей Герасимов в эту пору создает ряд интересных композиционных картин и большую серию великолепных пейзажей.

*

После Левитана русскую природу писали многие талантливые пейзажисты: Крымов, Переплетчиков, Юон, Жуковский, Рылов, но никто из них не сумел так вдохновенно, выразительно и так поэтично передать ее. В их работах не всегда ощущалась современность. Недоценивая новаторские, импрессионистские приемы, они как бы отставали от современности.

Сергей Герасимов не боялся влияния импрессионизма и изучал творчество Моне и Сислея без предрешения.

Герасимов — импрессионист, «но только с русской душой».

Сергей Герасимов любил северный русский пейзаж с тихими речками, далекими синеющими лесами и холодновато голубым небом. Он хорошо знал этот пейзаж и мог его написать, не пользуясь натурой, по памяти. Дома у Герасимова висел замечательный портрет профессора Езерского, кисти Сурикова. Показывая мне его, Сергей Васильевич сказал:

— Вот поглядите как портрет написан. Я его берегу как реликвию. Всегда учусь у Сурикова как писать! Это мой постоянный учитель и советник. Обратите внимание — какая во всем чувствуется сила! Мужская рука!

Внимательно разглядывая на выставках картины и портреты Герасимова, я всегда вспоминал этот блестящий, редкой выразительности и красоты суриковский портрет, которым так часто и счастливо вдохновлялся художник.

КОНЧАЛОВСКИЙ

1922 год. Москва, Страстная площадь.

Зимний вечер. За синеющим окном метель, то утихающая, то усиливающаяся. Лежу в постели, укрытый шубой и украинским ковром. Простудился. Горит небольшая лампочка, затененная газетой. В комнате холодно. Лежу и мечтаю о дровишках, которых второй день не удается найти. Жена возится около буржуйки, тщетно пытаясь тремя отсыревшими томами Боборыкина растопить ее.

— Черти! Ничего горячего не оставили, — ругает она бежавших хозяев.

Сдержанный стук. Жена открывает дверь. Входит женщина средних лет. Живое лицо. меховая шапка обвязана большим шарфом, в левой руке муфта. Шарф и муфта покрыты снегом.

— Я к вам, — говорит она.

— Слушаю.

Сбрасываю шубу и ковер. Усаживаю женщину.

— Меня послал к вам Муратов. Он уезжает в Италию. Чемоданы упакованы. Он просил вас написать статью о моем муже Петре Петровиче Кончаловском... Статья пойдет в журнале «Свирель Пана» и должна быть готова через два дня.